

Протоиерей Александр Слюнкин

**АНТИОХИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РОССИЯ.
БРЯНСКИЙ КРАЙ В ЗАПИСКАХ
БУЛУСА ИБН АЗ-ЗА'ИМ АЛЬ-ХАЛЯБИ**

Святая Антиохийская Церковь имеет почти двухтысячелетнюю историю. После падения Иерусалима Антиохийская Церковь заняла первое

место в Азии и по значению сравнилась с Римской и Константинопольской Церквями до V века, когда образовались Патриархаты.

Престол Антиохийской Церкви был основан апостолом Петром. Он первым проповедовал здесь Слово Божие, исцелял больных, Учредил Епископию. До своего отшествия в Рим он находился в Иерусалиме и Антиохии. После апостола Петра здесь проповедовали апостолы Варнава и Павел. В течение года они собирались в храме и их ученики в Антиохии впервые стали называться христианами [Деяния святых Апостолов, 16, 26].

Святой апостол Петр, покидая Антиохию, оставил своим приемником Евода которому наследовал святой Игнатий Богоносец, ученик святого апостола Иоанна Богослова. Святой Игнатий был поставлен в Епископа Антиохийского согласным решением всех святых апостолов.

Именно он учредил в Церкви антифонное пение, т.е. пение на два лика. Титулом Патриарха первым стал именоваться Предстоятель Антиохийской Церкви, что продолжалось до II Вселенского Собора, на котором было утверждено Патриаршество Константинополя.

Традиции Антиохийской библейской экзегезы, преобладавшее в Антиохии, внесли свой вклад в святоотеческое экзегетическое наследие. Непосредственно это проявилось в гомилетических творениях святителя Иоанна Златоуста и, косвенным образом – в богословских трудах каппадокийских Отцов.

Антиохийская литургическая традиция стала неотъемлемой частью Православного Богослужения, в том числе, русского.

В конце X века святой Михаил, первый митрополит Киевский, родом из Антиохии, ученик Антиохийского Патриарха Иоанна IV Оксита - (сент. 1089 – окт. 1100), установил живую связь между Антиохийской и Русской Церковью, он как говорит Апостол Павел, «Право правил Слово Истины». «Михаилу мы обязаны всем: первым насаждением христианства на нашей земле, первым монастырем Златоверхим Михайловским, первыми учащимися. Так, при самом начале у нас христианской веры мы видим уже связь между Антиохийской и нашей

Церковью... В России насадили и возрастили Православие при помощи Божией Православные Восточные пастыри, которые отличались *великим благочестием и святостью жизни* (курсив всюду мой – А. С.). Главным из них был святой Михаил первый митрополит Киевский, нетленно почивающий в Русской земле» [24, 12].

Из известий арабских авторов, среди которых наиболее важное место по исторической ценности сохранных им сведений принадлежит православному историку Яхье Антиохийскому [20, 23-24], современнику интересующих нас событий, хроники, принадлежащие двум другим арабским историкам, Аль-Макину [7, 73-83] и Ибн-Аль-Атиру [20, 200], имеют намного меньшее значение, поскольку их авторы писали уже в начале XIII века.

Свидетельства арабских авторов позволяют не только с достаточной точностью восстановить хронологию событий, связанных с борьбой императора Василия с мятежным Вардой Фокой, но и определить время взятия Корсуни русскими войсками. Более того, арабские источники сообщают о Крещении князя Владимира и Руси. В них также сообщается и о переговорах императора Василия с князем Владимиром, итогом которых явился договор о посылке русских войск в помощь Василию и о браке Владимира с сестрой Василия Анной. Причем в качестве обязательного условия для заключения этого брака византийской стороной было выдвинуто требование о крещении самого князя и его народа.

Таким образом, сведения арабских историков существенно дополняют известия, содержащиеся у византийских авторов, и помогают глубже понять и точнее определить весь ход событий, связанных с Крещением Руси.

В дальнейшем вплоть до 16-го столетия, история не оставила нам конкретных свидетельств *официальных* отношений между Антиохией и Москвой, но паломничество русских людей к христианским святыням знакомило их с жизнью Православных христиан на Востоке, посещение Восточными иерархами Московского Царства знакомило восточных христиан с Церковной жизнью на Руси.

Обильная материальная помощь, которую оказывала Россия страждущим под иноверным игом Православным христианам, вызывало чувство благодарности к своим братьям по вере у жителей востока и об этом находим письменные свидетельства: Антиохийский Патриарх Иоаким V Дау пиш يواكيم الخامس الضو у: «Писано: если кто видел небо и небо небеси и все звезды, а солнце не видел, тот еще ничего не видел, но когда увидит солнце, возрадуется и прославит Сотворившего его. Солнце же наше правоверных христиан в нынешние дни ваши царские милости и кто видит царское лицо, возрадуется и прославит Жизнодавца Бога, который дал тебя в утверждение процветания Восточной Церкви Христовой, как солнце, стоящее над звездами». [14, 171]

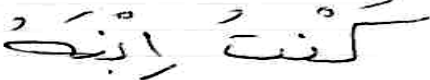
Профессор Московской Духовной Академии Е. Е. Голубинский говорит, что «за милостынею приходили на Руси не только духовные лица, но и простые паломники, иерусалимские греки и *арабы*» [8, 576].

Участие и значение Антиохийского Патриарха Иоакима V Дау в деле установления Патриаршества на Руси – одном из важнейших событий в истории Русской Православной Церкви было столь велико, что об этом упоминают почти все русские церковные историки: профессор Знаменский, [9, 223-224] митрополит Московский Макарий [12; 254,385,405], граф Н. В. Толстой [22; 436], Н. Тальберг [21; 301], в одноименных трудах «История Русской Церкви». [По неизвестной причине о Патриархе Иоакиме V Дау ничего не говорит Архиепископ Филарет (Гумилевский) в замечательном труде «История Русской Церкви»].

Особенно интенсивными взаимоотношения Русской и Антиохийской Православных Церквей были во время правления Атиохийского Патриарха Макария III аз-За'им (مكاريا بن يوسف الثالث الزعيم الحلبى الانطاكي) (1648-1672 гг.), о чем мы знаем благодаря единственному в своем роде уникальному источнику, автором которого является сын Патриарха Макария Булус ибн аз-За'им аль-Халяби(بولص بن الزعيم الحلبى), известный русскому читателю под русифицированным именем Павла Алеппского. Эта книга представляет собой путевые заметки архидиакона

Павла, описывавшего все, что встречалось ему во время путешествия в Россию, которая заняла в общей сложности семь лет.

Труд Сирийского архидиакона долгое время был труднодоступным для русского читателя по причине малой распространенности в России арабского языка. Существовал английский перевод Бельфура, выходивший выпусками в течении 1829-1836 гг. Этот перевод был не полон и не везде точен, а иногда допускал и курьезные неточности: Архидиакон Павел пишет:

 - «я был родным сыном» (Патриарха Макария – А. С.). У Бельфура переведено: «was natural son» - «я был побочным сыном», [17, 9,] что для православного священнослужителя недопустимо по каноническим причинам. Кроме того, Бельфур будучи человеком иноверным, затруднялся переводом тех многочисленных мест книги архидиакона Павла, которые детально описывают Православное Богослужение. Переводчик часто их опускал.

Ситуация совершенно изменилась когда за перевод на русский язык «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским» (далее – «Путешествие...») не взялся действительный член общества истории и древностей Российских при Московском университете Жиржис (Георгий) Муркос, уроженец той же страны, к которой принадлежали архидиакон Павел и его отец.

Язык «Путешествия...», даже в русском переводе, удивителен. Это язык Востока, где до сегодняшнего дня говорят в высшей степени образно и красноречиво. Архидиакон Павел пишет: «Я, убогий раб и из всех людей наиболее нуждающийся в милости Господа моего, по имени Павел архидиакон, православной веры, родом из Алеппо, был родным сыном всечестного, святейшего, возвеличенного и всемилостивого отца кир кир Макария, патриарха Антиохийского, сына в Бозе почившего священника Павла, сына священника Абдулмасиха (Христодула) Альпрокс, известного под прозвищем Байт аз-За'им. Я был воспитан при отце в тесной привязанности к нему, и ничье общество не было для меня сладостнее его

общества с того времени, как я, отторгнутый от груди матери моей ее кончиной, был обречен на горе и печали и, кроме отца, не имел никого, перед кем бы мог изливать свои огорчения. Я непрестанно питался пищей его оживляющих слов и утолял жажду водой его освежающих наставлений, подчиняясь ему во всем и следуя за ним безотлучно и неотступно, где бы он ни был и когда бы то ни случилось» [17, 12]. Следует заметить, что это пишет человек, не получивший систематического образования. Можем ли мы представить, чтобы учащиеся современной школы любого уровня или люди различного рода занятий говорили таким образом о своих родителях?

Путь Антиохийских путешественников в Россию проходил через Константинополь, Молдавию, Валахию, Украину, пока они, наконец не достигли Российских пределов. На их пути в Москву не остались в стороне и пределы современной Брянской Епархии. В «Путешествии...» мы читаем: мы встали на заре и утром прибыли к двум очень большим озерам: одно из них, с плотиной, лежит выше другого, подобно Эмесскому озеру и исток имеет в нижнее. Затем мы проехали еще, что оставалось до десяти верст, то есть до двух миль, и прибыли в большой город с величественной крепостью, с большим озером, по имени Сивска (Севск). Мы остановились перед зданиями, назначение казенных лошадей, и немедленно переменили все экипажи и лошадей, которые были с нами и которые теперь отправились обратно. Константин Михайлович, тамошний воевода, прислал нашему владыке патриарху со своими служителями в подарок разных сортов, рыбы свежей и сушеной всякого рода и напитков: водки и всяких иных. Его кияя (доверенный), бывший во главе служителей, сказал: «Воевода такой-то бьет челом до земли твоей святости и подносит эти хлеб-соль». Затем прибыл и сам воевода со многими ратниками и, сделав земной поклон нашему владыке патриарху, приветствовал его весьма дружелюбно. Это был муж преклонных лет, внушающий расположение к себе: таковы все эти воеводы. Он сел и сообщил множество известий об их стране». [17, 206].

Весьма показательна характеристика воевод, которую дает архидиакон Павел: «Знай, - пишет автор «Путешествия...», - что воеводы в этой стране

люди ученые, правоведы, философы, логично рассуждающие, любят тонкие вопросы, глубокомысленные споры. Они приобретают знания от наставников, к ним приезжающих, от патриархов и архиереев, коих они обыкновенно спрашивают и, когда те ответят на их вопросы, подчиняются; если кто из них воспрещает им что-либо, то воздерживаются от этого, не упорствуют, но стремятся увеличить свои знания, ибо мы видели у каждого из них тысячи больших книг, кои они охотно и много читают днем и ночью. Они не имеют пристрастия к вину и веселью. У воевод киевских мы видели целые возы книг, но что Киев в сравнении с Москвой? Все это происходит от их любви к знанию; они знают по пядям даже нашу страну и ее историю.

Нас спрашивал этот калужский воевода, говоря: «От Адама до года воплощения Господа Христа не пять ли тысяч пятьсот лет сполна, без прибавки или убавления? От воплощения Христа до сего года прошло 1654 года, а от Адама до сих пор прошло 7162 года; эти лишние восемь лет, которые не согласуются со счетом воплощения, откуда явились и как их объяснить?» Никого не нашлось, кто бы смог дать ему ответ. Мы раньше немало спрашивали об этом предмете в Константинополе и тамошних местах, но никто не дал нам ответа, пока наконец мы не убедились из древних греческих книг, что воплощение Христа совершилось в 5508 году» (17, 217).

Устройство крепостных сооружений города Севска немало удивило Антиохийских путешественников, что с обычной подробностью описано в архидиакона Павла: «Мы поднялись и проехали через середину крепости, где проходит дорога. Крепость великолепна, с чрезвычайно прочными башнями и с многочисленными большими пушками, размещенными одна над другой, с широкими и глубокими рвами, скаты которых обложены деревом, с деревянной двойной стеной. Мы дивились на эти укрепления и постройки, ибо крепость эта прочнее каменной: и как могло быть иначе, когда это крепости царские и укрепляются постоянно? Затем нас ввели во вторую крепость, также со стенами, башнями, рвами, потом в третью, которая еще

больше, крепче и неприступнее первых двух; в ней есть потаенная дверь, через которую сходят к ее большой реке черпать воду, ибо крепость стоит наверху высокого холма... С той стороны мы видели на обоих краях рвов удивительные приспособления из заостренных, связанных между собой бревен, к которым человеку невозможно приблизиться; мы видели также высокие круглые башни и большую реку, нами упомянутую, которая течет вокруг крепостной горы. За городом есть еще две деревянные стены для задержки конницы. Мы спустились по большому, трудному скату и переехали через деревянный мост длиной в час пути, под которым много воды, болота и большие заросли, длинные и широкие. Затем мы проехали тридцать верст, т. е. шесть миль, по лесу из кедровых (сосновых) и иных деревьев, проезжали через многие деревни, воды и мосты и ночевали в лесу». [17, 207].

Встреча Антиохийского Патриарха в Севске была исполнена всякого почтения к Первоиерарху древней Восточной Церкви: «Воевода послал принести большое количество напитков: водки, вина и проч. и принуждал нашего владыку патриарха, а также и нас много пить, хотя мы еще не завтракали, так что довел нас до изнеможения. Один из его слуг обходил нас с тарелкой огурцов, другой — с тарелкой редиски, поднося нам закуску. Сначала пили стоя здравицу за их патриарха после молитвы за него, потом за царя и всех его приближенных. Затем воевода, выказав большое дружелюбие нашему владыке, удалился... наш владыка патриарх вышел из экипажа, а из крепости вышли ему навстречу священники и диаконы с кадильницами в царских облачениях, с древними иконами, унизанными жемчугом, и с золотыми крестами. Воевода шел пешком, пока не ввели нас в высокую церковь, как бы висящую на прочных основаниях, во имя Успения Владычицы; кругом нее идет галерея, господствующая над окрестностями; на ней стоят женщины. В церкви три двери, как обыкновенно бывает в их церквах, о чем мы уже упоминали. Наш владыка окропил их святой водой, и мы вышли; при этом колокола всех церквей, что внутри этих крепостей, гудели. Вот имена церквей в этой третьей крепости: (кроме упомянутой) еще

две: в честь Владычицы Платитера (Знамения?) и св. Николая. В других крепостях и вне их еще семь церквей, а всего десять; в числе их: монастырь в честь Вознесения, церковь в честь Воскресения, церковь в честь Входа Христа во храм, еще в честь Введения Владычицы во храм, во имя св. Михаила, св. Параскевы и св. Николая.

Затем воевода простился с нашим владыкой патриархом, проводив его за крепостные ворота; священники же прошли на значительное расстояние». [17, 207].

С обычными для того времени трудностями путешествия, которые для современного человека просто невероятны, соединялись и затруднения практически непреодолимые: люди, знающие арабский язык исчислялись на Руси единицами. Архидиакон Павел свидетельствует: «При вратах царя есть семьдесят переводчиков, знающих все языки, *но арабского не знают*. Бог оказал нам милость знанием греческого языка (греческий язык Антиохийские путешественники выучили по пути в Москву – А.С.), иначе бы мы попали в большое затруднение [17, 280].

Следует заметить, что вторым родным языком Патриарха Макария и его спутников был турецкий, но этой речи совершенно не могли выносить в Москве того времени. В «Путешествии...» мы читаем: «Наш учитель (Патриарх Макарий – А. С.) говорил с драгоманом на греческом языке, ибо, как мы упомянули, мы хорошо научились ему в то время, когда находились в обществе людей этого языка. То была нам великая милость от Бога, ибо здесь совсем не терпят турецкой речи и слышать ее не могут, думая, что осквернится их слух. Все драгоманы предостерегали нашего учителя, чтобы он отнюдь не говорил по-турецки. Разговаривая с драгоманом, он несколько запинаясь, ибо греки говорят быстро, а мы, хотя и научились их языку, не в состоянии говорить на нем так же бегло, как они, так как язык у них очень подвижен. Царь спросил драгомана: «Почему патриарх не говорит быстро?» Тот отвечал: «Потому, что он стал обучаться этому языку недавно, но он знает турецкий язык и, если царю угодно, будет говорить на нем». Царь сказал: «Нет, нет! Боже сохрани, чтобы такой святой муж осквернил свои

уста и язык этой нечистой речью!» Ненависть их к туркам очень велика. [17, 280].

Потом в Москве Антиохийские гости встретили воеводу, который был сыном араба из Сирии и, испытав в своей жизни очень много лишений, оказался в России. Долгое время имя его было неизвестным. Таковым же оно оставалось и для профессора Г. Муркоса очень сожалевшего об этом обстоятельстве [17, 219].

Сейчас мы можем с достаточной степенью обоснованности сказать о личности этого воеводы. Воевода из арабов, имевший столь необычную судьбу вся жизнь которого была исполнена многообразных приключений и отливавшийся как, воевода, справедливостью, как человек – совершенством великодушия, набожности и усердия к церковной службе, не пропускавший никогда Литургии, как правило, в Чудовом монастыре, этот араб был, надо полагать, Феодор Черкесов сын Сулейманов – воевода в Калуге в 1642-1646 г.г. [3, 38].

Затем Антиохийский Патриарх и его спутники «...переехали через большую реку, называемую Надрус (Нерусса), через которую весной переправляются на судах, а мы переехали через нее по огромному длинному мосту, тянущемуся на значительное расстояние. Число больших досок только на поверхности его, от начала до конца, широких и длинных, две тысячи четыреста сорок одна, как мы точно сосчитали. Весь он без гвоздей, лишь из одного дерева.

Затем мы въехали в лес из сосен и елей, из коих делают корабельные мачты. Эти деревья не переставали нам встречаться до ближайших к Москве мест. Все строение их домов и деревянные поделки в здешней стране бывают из этого дерева, по причине его изобилия. Что касается персидского тополя, то ты мог бы подумать, что он правильно рассажён, как в саду, вдоль и поперек: весь он ровен, как будто создан в один день. Мы прославляли Бога при виде высоты сосен и елей и их прямизны, формы тополей и их правильности и красоты». [17, 210].

Следующем городом, находящимся на территории современной Брянской Епархии, через который проезжали антиохийцы, был Карачев. Об этом архидиакон Павел Алеппский повествует следующее: «Мы встали в пятницу рано поутру, проехали десять верст, т. е. две мили, и прибыли на берег большой реки, по имени Нафля (Навля). Здесь есть деревня, место остановки для переправы на судах, называемая Самох (Сомово). Мы переехали реку на судах. Она очень велика — большей мы не видывали — ибо мы ехали поперек ее около часа; чрезвычайно длинна и широка и посередине имеет острова, где много леса и болот. Прежде через эту реку был деревянный мост от берега до берега, но теперь он разрушен. Лошади переправлялись через реку вплавь. Затем мы проехали около тридцати верст, т. е. шесть больших миль, и прибыли в большой город с сильной крепостью, называемый Каражава (Карачев). В нем пять церквей: во имя Благовещения, Успения Владычицы, св. Михаила, св. Николая и свв. Космы и Дамиана. Посреди этого города два источника вкусной воды. Воевода вышел пешком навстречу нашему владыке патриарху. Но мы немедленно выехали в поле, где и остановились. Раньше, чем достигли города, мы посетили монастырь поблизости него, у самой дороги; он в честь Пасхи, называемой на их языке Фаскарисанья (Воскресение). Монастырь окружен рощей кедров (сосен), удивительных по своей высоте и прямизне, и все они ровны — да будет благословен их Творец! Навстречу нашему владыке патриарху вышли, по обычаю, священники и монахи. Мы вошли в церковь по высокой лестнице. Она весьма красива, из кедрового (соснового) дерева, хорошо сплоченного, с новыми связями. На ней три минарета (башенки) в ряд, легких и изящных, с тремя христианскими крестами; такие же минареты и над алтарями. Церковь окружена галереей с тремя дверями и входами с трех сторон. Что касается иконостасов в этой стране, то я не в силах описать их так точно, как бы желал, потому что они состоят из маленьких икон тонкой работы, изображающих сюжеты, которые приводят ум в изумление; некоторые из них с позолотой и чудесной резьбой. Колокольня весьма высока, восьмиугольной формы, на ней приподнятый купол с крестом. Под

колокольной деревянные, выстроганные, круглые столбы. Вход на нее с церковной галереи; кроме того, она имеет три двери по окружности своей галереи». [17, 212].

На этом заканчивается описание архидиаконом Павлом города Карачева и вместе с этим заканчивается пребывание Антиохийских гостей на территории Брянской Епархии. Далее они путешествовали сухопутным, а затем водным (по реке Оке) путем в первопрестольный град Москву.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Библия.: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Любое издание.
2. Триодь Постная. Любое издание.
3. Барсуков. Списки городских воевод. Б. м. и г.
4. Российский Государственный Архив Древних актов. Ф. 52. «Греческие дела».
5. Константин Баша. Тарих Танфа ар-Рум аль-Малакий.

كونستانتين باشا تاريخ القطنية
الحققي

6. Михаил Барик ад-Димашки. Список Антиохийских Патриархов.

ميخائيل باريق الدمشقي لائحة البطاركة الانطاكيين

7. Васильевский В. Г. Труды . Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909. С. 73-83.
8. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 3. С. 576.
9. Проф. П. В. Знаменский. История Русской Церкви. М., 1996. С. 223-224.
10. Аль-Калимат (الكلمات). Слово. 1905.
11. Гатас Кандалафт. Антиохийские Патриархи.

عاطس قندلفت البطريركية الانطاكية

12. Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. К1 المحار 54, 385,405
13. Аль-Манар (). Маяк. 910.
14. Аль-Махаббат (لحورية). Любовь. 1911-1912.
15. Цит. по: Муравьев С. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858 – 1860. Т. 1. С. 171.
16. Ан-Нур. (النور). Свет. 1972.
17. «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в середине XVII века описанная его сыном архидиаконом Павлом Алеппским».
18. Ар-Рияд (الر). Пастырство. 1973-1974.
19. Рисалад ар-Раи (رسالة الرأي). Пастырские Послания. 1973.
20. Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883.
21. Н. Тальберг. История Русской Церкви. М., 1997. С. 301.
22. Граф Н. В. Толстой. История Русской Церкви. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1991. С. 436.
23. تاريخ خاواديس ايش-Шам ва Любнан. Б. м. и г. (تاريخ الخواديس في سوريا)
24. Шеверов С. Антиохийская Церковь. СПб., 1850. С. 12.